

КАТЯ СТЕПАНЦЕВА

16+

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Катя Степанцева

Продам радость. 1 шт.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48855998

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08239-7

Аннотация

Все писатели немного эксгибиционисты, распахивают плащ, оголяя душу: смотри, восхищайся, наблюдай, содрогайся от ужаса, отворачивайся от омерзения, наслаждайся, радуйся. Только не оставайся равнодушным. Равнодушие убивает азарт от этой бесконечной игры. Вы держите в руках мои фантазии. В каждой из них захватывающая история, и я очень надеюсь, что ни одна из них не оставит вас равнодушными. Фото для обложки Paig Srinrat, Adriaticfoto, дизайнер Энни Штейн.

Содержание

Здравствуйте, дорогой читатель!	5
Несколько отзывов на рассказы	7
Оленька	12
Экзамен	23
Сладость или гадость?	25
Случай на кухне	30
Весеннее обострение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Посвящается тому, кто обещал читать все мои книги.

Здравствуйте, дорогой читатель!

Меня зовут Катя Степанцева. Я родилась в Костроме, закончила 29 школу, а потом поступила в Костромской Государственный Университет им. Некрасова и отучилась пять лет на филфаке.

В 2017 году случайно забрела в группу «Щеглы» «Вконтакте» и из обычного подписчика прокралась незаметно в админы сообщества. Сама не знаю, как так получилось. Видимо в сообществе я проводила слишком много времени.

Целый год писала подростковый роман «Хочу танцевать с тобой» на конкурсе «Пишем роман», обзавелась друзьями и помощниками на писательском поприще, потом отложила на некоторое время роман и занялась рассказами. Полтора года назад я не умела писать рассказы, даже не подозревала с какого боку к ним подойти, а сейчас выпускаю второй сборник.

Активно участвовала в писательских дуэлях и конкурсах сообщества «Нетленка», а потом попала в группу «Всего лишь писатель» и в «Шторм». Благодаря его предводителю Михаилу Лазареву и огромному количеству неравнодушных писательских сердец напечатала сто экземпляров сборника теплых рассказов о любви «Не бойся! Люби!» и привезла его на ММКВЯ-2019.

В 2019 году отослала рассказ «Мне нужны твои пальчи-

ки» на премию «Алиса-2019» издательства «Перископ-Волга». Жюри включило мой рассказ в сборник лучших произведений, присланных на I премию в области детского литературного творчества.

Мои достижения пока так малы, но я верю, что еще все впереди. Пожелайте мне удачи, дорогой читатель. Она так нужна.

А еще здорово, что из всего многообразия книг вы выбрали именно мою. Очень надеюсь, что не разочарую и подарю незабываемые эмоции, да-да, огромное многообразие эмоций, ведь на самом деле вы купили не только радость. А что еще? Это я хочу узнать у вас. Листайте скорее книгу, а потом, если захочется, поделитесь своими эмоциями со мной. Мне безумно интересно.

Но если вы все еще не решили читать или нет, откройте следующую страничку, там вы увидите отзывы на некоторые рассказы. Возможно они помогут вам сделать правильный выбор. Приятного чтения! *P.S. Значительно переработала вступительное слово по совету моего друга Максима Кузнецова.*

Несколько отзывов на рассказы

Оленька

Юлия Фурега: Рассказ держит и не отпускает до самого конца. Кажется, даже дышать забыла. Финал ожидала другой, но в этом и кайф)

Мария Строкина: Ох. Зачиталась и пропустила свой автобус. Но оторваться просто не могла. Столько вариантов крутилось. Жалко, что всё так (

Светлана Бутусова: Очень классный затягивающий рассказ. Порой даже мурашки бегали во время чтения

Алексей Шлемов: Больше напоминает краткий пересказ какого-то мистического романа. Отличная вещь!))) Но во многих местах просят подробности, детали, дополнения, а их нет. И поэтому выглядит суховато. Но тогда бы это уже был не рассказ, да?

Ксения Осипова-Костырева: С удовольствием прочитала! Обожаю такие страшилочки с детства!)

Мария Дрелле: Блин, дочитала, такое ощущение, что бревном по голове стукнуло. И жуть и интересно. Очень специфическая смесь, необычно, странно и абсолютно невозможно оторваться.

Сладость или гадость

Сергей Нечипоренко: А что делать? – надо жить, сказала смерть в образе старика. Сладость и гадость всегда вместе.

Жизнь катится к смерти, смерть к жизни. Интересная интерпретация, если конечно смысл в этом:)

Светлана Татарина: интересные у тебя вышли ассоциации по картинке. А так – многое по глупости люди делают. Но не все горести таковыми являются, как нам видится. А в таком возрасте рано уходить, конечно. Рада, что герой живой. Спасибо за рассказ.

Ложные ярлыки

Дарья Хатина: Как же круто! До дрожи пробирает, замечательный текст!!!

Дара Алексина: Жутко. И мурашки по спине. Очень цепляет.

Сергей Пахомов: Очень крутой рассказ. Все в меру, ничего лишнего. Одновременно страшная и печальная история. Достойная работа.

Валентина Ушакова: Очень трогательно и правдоподобно. Просто страшно стало, что пережила девушка.

Эльдар Османов: Мне понравилось. И стиль, и язык, и подача. Формой напоминает повесть, где показана предыстория каждого персонажа и роль их в канве истории. Все линии сведены, кульминация и развязка на месте, логика не нарушена.

У всего бывает своя цена

Стас Варвянский: Сильно, интересно. Тут жизнь и желание многих из нас. Зацепило)

Екатерина Неклюдова: Захватило! Жёстко получилось. С

другой стороны, зачем же было так растворяться в человеке

Алена Хабарова: Эмоционально это твой самый душевраздирающий рассказ. Превзошла саму себя

Ирина Малашкина: Эмоционально, ярко, живо! Хороший рассказ. Правда столик в углу все же заметный.

Подростковые закидоны

Ольга Аникушина: А проблемы с высоты кажутся такими ничтожными. Единение с природой гасит накал в душе. Очень потрясающая история.

Сергей Пахомов: Очень душевно) И название отменное.

Семен Морозков: Хорошая миниатюра. Точная.

Владимир Вед: Реалистично, красиво и узнаваемо!

Екатерина Князева: Очень красиво и в тему получился момент с ветром и солнцем)

Настоящий Дед Мороз

Сергей Сюрсин: Лихо закручен сюжет. Чувствуется мастер, причем детектива. Оригинальность и новизна.

Тоня Ивановская: Хороший рассказ, динамичный, с неожиданным поворотом и не нарочитой моралью.

Филипп Хорват: Несмотря на сомнительность замерзающей на бороде водки, – это тоже один из хороших конкурсных рассказов, написанных, в принципе, не вызывающим недоумение языком. Мальчик, правда, странный немного всё же, но в качестве авторского допущения для главного героя – почему бы и нет? Рад, что и этот текст оказался среди финалистов.

Ольга Черная: Разрушить веру в чудо легко, гораздо сложнее снова её поселить в сердце ребёнка – как верно сказано! И в рассказе один из примеров решения проблемы. Читала на одном дыхании. Классно получилось!

Космическая дичь. Они среди нас

Эльдар Османов: Убойная серия про носкопришельца! Продолжай! Классно получается. К концу года книжка должна выйти... в этих сериях под маской носка, пришельцев и нарочитой простоты я вижу философию. Пока слабенькую, но если добавишь немного глубины, сделаешь рассказы притчеватыми, то будет великолепно. Писать просто очень сложно, этого некоторые не понимают. (*прим. авт. – я не сделала их притчеватыми*)

Дарья Ростова: Катя, мальчики тут сурьезные, а я вот прям с удовольствием прочла. Атмосфера такая, что вспомнила времена, когда читала про Алису Селезневу. Я барышня взрослая и тоже сурьезная, потому книжку вашу буду читать под одеялом с фонариком, как в детстве, чтоб никто ничего не заподозрил. Как-то так по-доброму получается. я вот так не могу. одни пакости вылазят) з-зависть эх

Виктория Камалова: Не скажу, что сырно-носочная тема – прям моя, но то, что у Кати интересно получается – отмечу. Вперед, к звездам! В смысле – публикациям и т.п. Удачи!

Работа с возражениями

Светлана Зинина: Я риэлтор и сразу же к себе ее утащила своим девчонкам на работе показать, поугарать. Так она

оказалась еще и пророческой! Я ее прочитала перед походом к клиенту. Нет, сразу тут же у нас ничего не случилось. Это произошло чуть позже. Но это был такой фейерверк страсти, что мама не горюй.

Оленька

Дед Василий неделю назад похоронил Оленьку, но все забывался и заговаривался. Все ему чудилось, что она жива, что она здесь рядом. Митька сначала этого страшился, но баба Маша сказала, что сосед скучает по внучке сильно. Митька жалел деда Василия и тоже скучал по Оленьке. Все ему казалось, что он слышит ее голосок, или видит на тропинке голубое платье с белыми оборками, или чувствует сладкий яблочный запах, каким по обыкновению пахла Оленька.

Митька сидел на берегу реки и бросал камни. Мысли его были черными и тягучими, как тучи над головой. Митька зябко поежился, обнял себя за плечи. Была бы сейчас Оленька рядом, она бы быстро прогнала его тоску звонким смехом и песней, разливающейся над рекой, но Оленьки не было и в это Митька, как и дед Василий, никак не мог поверить.

А что если побежать сейчас к мосту, да броситься с него в реку? Тогда они с Оленькой сразу же увидятся, ежели есть что там по ту сторону бытия. А ежели нету? Тогда все зря? Этого никак нельзя узнать, только разве проверив и Митька, исполненный решительности, бросился к мосту. Хороший мост построили городские в девяностые годы, бетонный, с железными перекрытиями. Поражающий мощностью и величественной красотой. Митька добежал до самой середины моста и забрался на перила. Замер, пораженный буйством

бурлящей воды, в которой чувствовал опасность и волнуемое притяжение, вцепился двумя руками в перекрытия моста, вот, еще секунда и он сорвется вниз. Прекратится его брэнное существование, сомкнется над головой бурлящий поток, смешиваясь с мыслями, надеждами и желаниями, и сейчас, стоя на перилах Митька понял, что совсем не хочет умирать. Боится у-ми-рать.

Воображение рисовало удар тела о поверхность воды. В этот момент Митька словно почувствовал, как вода захлестнула легкие и он не может дышать. Он хватал ртом воздух, грудь теснилась от боли сдерживаемых слез. Митька думал, как прибьет к берегу его худое разбитое тело и в рыжеволосом утопленнике с синим опухшим лицом опознают его и заголосит мать...

– Эй, Митька! Чаво удумал?

Митька вздрогнул. Медленно обернулся. Матрена с двумя соседками лениво шла в его сторону.

– Ты ишь это дело брось! Слазий кому говорено! Я вот матери-то расскажу!

– Да че сразу-то! – возмутился Митька, но покорно слез с перил, испытывая невероятное облегчение, от чего ему тут же стало немного стыдно.

Митька, повесив голову, уныло поплелся домой. Мамка-то не будет бить, пожалеет, но, если баба Маша прознает... Знала бы Матрена, как больно баба Маша воспитывает ивовым прутом.

Митька в лес повернул, тут немного пройти тропкой и сразу к дому выйдет. Из кустов выскочила черная грациозная кошка и потрусилась быстро-быстро, заластилась к Митькиным разбитым коленкам. Он остановился и погладил кошку по лоснящейся спинке:

– Знаешь, Муська, а ради тебя стоит жить.

Муська появилась у них в тот день, когда они с дедом Василием похоронили Оленьку. Митька спрятался на дереве, чтобы никто не видел его слез. Мать и отец решили не приставать к нему с утешениями, а дать время оплакать подругу.

Митька увидел черную кошку на верхушке соседнего дерева, она отчаянно пищала. Хотел снять ее, но мать, увидав куда он забрался, крикнула, чтоб не дурил ей голову. Семейный совет решил, что раз кошка смогла забраться так высоко, то должна уметь и слезть, но кошка, просидев на самой тонкой ветке весь день, не двинулась с места, только кричать стала еще жалобнее. Мать причитала:

– Да откуда ж ты такая взялась на мою голову!

Отец полез на дерево сам, спасти пленницу. Первым делом спасенная побежала в дом и обследовала там все углы, потом напилась молока, которое приготовила для нее заботливая мама, а потом улеглась спать на Митьку и не желала с ним расставаться до самого утра.

Рядом с маленьким теплым пушистым комочком Митька успокаивался. Муська подбадривала его, убаюкивая мурчанием разбитое горем сердце. С тех пор они часто ходили

вместе.

Мать, улыбаясь, говорила:

– Ишь, неразлучная парочка, гусь да гагарочка.

Никто не знал откуда она взялась. О том, что Оленька в кошку обернулась как-то баба Маша сболтнула, мама шикнула на нее, чтоб не говорила ерунды, отец только головой покачал и как-то грустно посмотрел, но с тех пор Митька часто думал об этом. А вдруг это правда? Да и дед Василий внезапно повеселел. Все говорил про Оленьку будто она так же по-прежнему живет с ним. Баба Маша как-то по-особенному посмотрела на Митьку и сказала:

– Не разубеждай.

Митька и не собирался. Он и сам хотел верить, что она жива. Ему все казалось, что она вот-вот вынырнет из-за поворота, но из-за поворота выныривала только деловитая черная кошка. Как-то раз он крикнул ей вслед: Оля!

Муська обернулась, посмотрела на него немигающим внимательным взглядом и подошла, ткнувшись мокрым носом в раскрытую ладонь. Раньше Митька боялся оборотней. Поджарая Муськина фигурка, мелькающая в траве, не вызывала чувства опасности, скорее наоборот. Муська пропала в кустах, а Митька задумался: неужели кошка обратно в Оленьку оборачивается и к деду Василию ходит? А почему тогда к нему, к Митьке, она только в образе кошки приходит? Или думает, что он еще не готов ее увидеть? Да нет, это бред!

Взгляд зацепил в кустах что-то голубое. Митьку словно

парализовало. Он не мог пошевелиться, не мог даже моргнуть, просто стоял, тараща глаза на голубой кусок ткани, лежащий на ветках, недалеко от тропинки. Пояс от платья Оленьки. Он вспомнил то самое голубое платье с приталенным корсетом и рукавами-фонариками, и пышной юбкой с белыми кружевами. Откуда он тут взялся? Ведь Митька совершенно точно помнил, что Оленьку похоронили в этом платье.

– Что постреленок застыл? Привидение в кустах увидел? – вернул его к реальности дед Василий. Митька подпрыгнул как осой ужаленный и заслонил спиной голубую ткань, так похожую на пояс Оленьки. Негоже, чтобы дед Василий увидел его. Надо спрятать его и рассмотреть, как следует, вдруг ошибся.

– Оленька тоже все привидений боится. Сегодня опять рассказывала, что сон ей плохой приснился, будто она стала белая и прозрачная... – рассказывал дед Василий, а Митька бочком-бочком поворачивался, потом схватил пояс и за пазуху запахал. Понуро шел он за дедом, разглядывая его сапоги с налипшей рыжей грязью и травинками.

Дома Митька первым делом на бабу Машу напоролся. Та бить ивовым прутом не стала, но долго распекала его за опасные игры на мосту:

– Сверзнешься в реку, домой не приходи! – орала она, выметая крошки, мелкие камешки и прочий мусор в сених. Муське, шмыгнувшей у нее в ногах, досталось по хребтине

веником, за то, что прямо по середине мусорной кучи прошла. У себя в комнате Митька долго рылся в фотографиях, но не нашел ни одной, где Оленька была бы в том самом голубом платье. Тогда Митька решил к деду Василию зайти. Всю ночь не мог уснуть, еле дождался утра.

Резкий запах сырости с гнилой примесью ударил в нос, как только Митька переступил порог жилища деда Василия, как будто Митька залез на старый чердак и открыл давно забытый сундук с прогнившей одеждой. Дед Василий хлопотал вокруг гостя, усадил его за стол и предложил чаю, убрав на кухню соду, соль и какие-то тряпки. Тягостно было сидеть в доме, в котором Митька провел столько счастливых моментов, играя с Оленькой в прятки и догонялки. Митька спросил:

– Нет ли у вас фотографии Оли в голубом платье с оборками?

Дед Василий задумался, беззвучно шевеля губами, глядя старческими голубыми слезящимися глазами в одну точку. Потом встал и подошел к старому трюльжу, достал из ящичка темно-зеленый фотоальбом, положил на стол перед гостем.

– Посмотри, голубчик, может есть, да я не припомню.

Митька около четверти часа рассматривал фотографии. Уголки глаз чесались и постоянно хотелось чихнуть, но Митька кое-как сдерживался. Дед Василий сновал туда-сюда, бормоча под нос всякие странности. Тяжко было смот-

реть на его сгорбленную осунувшуюся фигуру в грязно-белой рубаше с расстегнутым воротом и вытянувшихся синих штанах. Фотографии Митька не нашел, долго чесал рыжий затылок, соображая, и решил, что пояс этот просто кто-то из деревенских потерял, а сам он, Митька, должен смириться, что Оленьки больше нет и не откуда ей взяться на лесной тропинке. И поясу ее тоже.

На улице Митька полной грудью вдохнул чистого воздуха, словно из подземелья выбрался. Вечером отдал поясок матери, та обещала порасспрашивать соседей. И вроде успокоился на этом Митька. Но по ночам стал сниться ему один и тот же сон: Оленька из могилы руки тянет к нему и просит: «Отдай мне то, что я потеряла». Совсем измучился Митька. Мать уже и в церковь ходила, и водой его святой поила, службы разные заказывала, а все равно не было покою Митьке по ночам.

Хозяйки пояса тоже не нашлось. Никто ничего подобного в деревне не терял. Митька решил, что надобно деду Василию его показать, вдруг он вспомнит и скажет, Оленькин он или нет? Вдруг, когда Оленьку хоронили поясок ее потеряли? Митька силился вспомнить был ли на ней пояс в тот день, да не мог. Или она и правда теперь в кошку превращается? Он был готов поверить даже в это. Вопросы разрывали голову, сводили с ума и Митька мучился от каждого.

Прошла неделя с последнего посещения деда Василия, Митька немного страшился снова идти к нему, но после

успокоился тем, что деду Василию сейчас одиноко и ему не помешает с кем-нибудь поговорить, да и Митьке надо развеяться. Аккуратно свернул голубой поясок и засунул в карман брюк, тщательно причесался. Возле двери соседа замер, собираясь с духом. В доме стояла тишина, в кухне горел свет и Митька решил, что сначала заглянет в окно. Вдруг дед спит? Тогда лучше его не тревожить. А ежели он, например, чай пьет, тогда Митька будет рад составить компанию, и беседа завяжется быстрее.

Митька прокрался к окну и, привстав на цыпочки, заглянул через грязное стекло в кухню. За столом спиной к окну сидела девочка, склонив голову набок, подперев ее кулачком. Ножки ее не доставали до пола. Что-то знакомое было в этой маленькой фигурке. И голубое платье с белыми оборками. Митька испугался, что это Оленька... Оленька вышла из могилы. И вот сейчас она повернет голову. Что он увидит? Мертвые стеклянные глаза? Личинки мух, выедающие плоть? Его воображение рисовало страшные картины, парализуя мышцы рук, вцепившиеся в подоконник.

В кухню вошел дед Василий, в одной руке он держал чайник с кипятком. Ласково погладил девочку по голове, подвинул к ней чашку и налил чай. Сам уселся напротив, налил чай во вторую кружку и только хотел было отхлебнуть горячего напитка, как глаза его встретились с глазами Митьки. У Митьки от неожиданности аж нога соскользнула, и он бухнулся под окном, проклиная сам себя. Как он добежал до

дома сам не помнил, спрятался под кроватью и долго трясся от страха, думая, что дед Василий обязательно придет с расспросами, выясняя зачем Митька шпионил за ним. Но в этот вечер так никто и не пришел. А Митька получил от бабки Маши ивовым прутом под зад за то, что куда-то запропастился, а она его бегала разыскивала по всей деревне.

Немного оклемавшись Митька пораскинул мозгами, что надо бы проследить за дедом Василием и уснул коротким тревожным сном. Всю неделю дед Василий вел себя обыкновенно, но иногда у него появлялась та же безмолвная таинственная девочка. Она или сидела за столом или лежала на диване, но все как-то так, что не видно было ее лица. Иногда Митьке казалось, что он вот-вот увидит ее и тогда сердце колотилось чаще и ладони потели так, что он уставал вытирать их об штаны. Митьку тревожил вопрос: кто она? Почему о ней никто не знал?

И чем больше он размышлял, тем больше вопросов появлялось в его голове: связан ли голубой пояс с таинственной девочкой? Откуда на сапогах деда Василия появилась рыжая земля? Такую он видел только в одном месте, на кладбище, но пойти туда одному страшно и в то же время необходимо. Митька раздобыл в сарае фонарь и лопату и ближайшей ночью, дождавшись, когда все домашние, наконец, затихнут после дневных забот, выбрался из дома и отправился проверить свою страшную догадку.

Добравшись до места, он трудился целый час, земля уже

слежалась и поддавалась не так легко, как хотелось бы. Наконец лопата стукнула в деревянную крышку. Митька расчистил ее и, собравшись с духом, открыл. В гробу было пусто.

Сердце зайцем дернулось в груди. Митька бросил лопату и стрелой помчался через лес, не разбирая дороги. Он разбудил родителей и бабушку Машу и, хоть та грозилась ивовым прутом, рассказал им все как есть.

Утром в дом деда Василия постучались деревенские следователи. Обыск длился недолго, в сарае нашли труп девочки, заботливо одетый и обутый, мумифицированный подручными средствами. Когда ее вынесли, Митька при свете дня увидел ее белое, словно мраморное безжизненное лицо с яркими перламутровыми губами, глубокие глазницы смотрели на него черными пуговицами, вшитыми вместо глаз.

Дед Василий причитал:

– Куда же вы уносите Оленьку! Оставьте ее дома, Матрена за ней присмотрит!

А бабушка Маша только одно повторяла побелевшими губами:

– Совсем крыша поехала на старости лет. Вон что одиночество с людьми делает.

В доме деда Василия царил сует, опись имущества и улик. Деда Василия уводили в машину. Под ногами Митьки ластилась невесть откуда взявшаяся Муська. Жизнь продолжалась.

– Жаль, что Оленька не стала оборотнем, – проговорил

Митька, прижав к громко бьющемуся, рвущемуся из груди сердцу, теплую Муську.

Экзамен

Сашка Морозов тяжело вздыхал, гипнотизируя асфальт, и молчал. Ольга сидела рядом на лавке.

– Да ладно тебе сокрушаться! Пересдашь. Учил?

Сашка кивнул.

– Ну вот видишь. А шпоры писал?

Сашка снова устало кивнул.

– Ну... А чего тогда не сдал? – удивилась Ольга.

Сашка тяжело выдохнул, почесал двумя руками брови, скинулся весь, сверкнув карими глазами:

– Да блин! Хоть вообще ни с кем не разговаривай перед экзаменом! Фролова-зараза, перед тем как в аудиторию идти вдруг говорит: «Ни пуха, ни пера!» – Морозов с досады двинул кулаком по лавке.

– Подумаешь. Поддержать хотела.

– Да плевал я на её поддержку! Это плохая примета! Понимаешь, нет?! Ну так сложилось у меня, если кто-то пожелал «ни пуха, ни пера» – всё! Пиши пропало! Я зашёл в аудиторию, а в голове пустота, только это её восторженное, – передразнил он писклявым голосом, – «Ни пуха, ни пера!» в башке.

Ольга понимающе хмыкнула и поинтересовалась:

– И что не мог плюнуть через левое плечо?

– Да я и плюнул... Там Александр Константинович стоял,

в билет мой заглядывал.

Сладость или гадость?

Нет, никогда, больше никогда он не вернется домой, лучше уж сдохнуть от голода или броситься с моста. Хотелось скулить от безвыходности.

Жека прятался от дождя под мостом, сидя на бревне, на котором половина коры отвалилась, а другая была изрезана ножом. Посередине бревна кто-то аккуратно вырезал сердце, пронзенное стрелой и ниже подписал неровно LOVE, а чуть ниже LIVE. Жека долго смотрел на эти буквы, представляя того, кто их начертал. Какой-нибудь обычный парень вроде Жеки, ничем не примечательный, с самой обыкновенной внешностью: носом картошкой и не выразительными серыми глазами, непослушной челкой и упрямым подбородком с ямочкой. А может это была девчонка? Такая же светлая и чистая как Вера. Мысли путались. Живот сводило от голода. Поджилки тряслись. Жека сбежал из дома три дня назад, слонялся по улицам, выпрашивая мелочь, пробирался на кладбище и собирал конфеты с могил, а печеньем и яйцами брезговал. Жека накинул на голову капюшон толстовки, обхватил себя руками и закрыл глаза. Сбегать из дома в одной толстовке, шортах и кедах – не лучшая идея, которая его посещала в жизни. Успокаивал размеренный звук проносящихся сверху машин. За забором загрохотал поезд. Пахло сыростью и землей.

– Сяду? – послышался рядом с ним надтреснутый голос.

Жека покосился на того, кто пристроился рядом. Старый и морщинистый человек зашелся в кашле, выворачивая легкие в кулак. Жека не на шутку испугался и отвел взгляд. Уставился на черные грязные стоптанные ботинки незнакомца.

– Не бойсь, малец, не обижу, – прокаркал тот. – Давненько сидишь тут? Руки-тож синие...

– Да не, – сказал Жека, поерзал на месте и отодвинулся, спрятав ладони под мышки.

Потом испугался, что слишком явно отодвинулся, будто брезговал, и замер на месте, не глядя на собеседника. Жека соображал, как бы ему смыться отсюда ненавязчиво? Место здесь тихое, безлюдное. А вдруг этот мужик – маньяк? Жека покосился на старика, тот сидел расслабленно, чуть улыбаясь и глядя вдаль. Куда-то мимо Жеки. Руки старика лежали на коленях ладонями вверх. У Жеки задергался глаз и кашель так и рвался из груди, как ни старался он его сдерживать. Скорее всего он разболелся не на шутку, дни стояли сырые и пасмурные, конец октября. Да и ноги Жека промочил за эти дни не раз. Жека покосился на свои сырые кеды.

– Из дома убёг? – снова спросил старик. Жека глянул на него и решил соврать, но медлил. Старик прокашлялся и заговорил:

– Я тоже из дома сбегал, не сейчас, давно. Вот таким же как ты. А жил я тогда в глухой деревне, самый маленький

бывши в семье. Нас двадцать ртов мамка растила. Жили впроголодь, – дед помедлил немного, скосился на Жеку.

Рядом со стариком он успокоился и, кажется, даже перестал трястись от холода, слушая его неторопливую размеренную речь. Разомлел. Давно он ни с кем так не говорил.

– А ты значицца што? Помереть решил? Не рано? – огорошил его дед.

Жека уставился на него, выпучив глаза. Дыхание перехватило. “Откуда он знает?”

Старик пошебуршал как ни в чем не бывало в засаленных карманах бежевого плаща, достал кусок газеты и спички. Смял газету, наклонился, сгрэб несколько веток, сунул в них газетный комок и поджег его, долго чиркая спичкой по коробку. Занялось крохотное беспокойное пламя, играющее на ветру. “Рано... да откуда ему знать, старику этому, уж лучше смерть!” И Жека, сам того не осознавая выпалил:

– Матери нет дела до меня! – потом замер ненадолго, глядя на огонь и уже спокойнее продолжил, – Из школы звонили, сказали, что поставят на учет в детскую комнату полиции, а она говорит: “Ну и ставьте”. А за что? Это шайка Бекетова таскала в раздевалке деньги из чужих курток, и они же у училки стырили кошелек. Зарплату только выдали, знаете там сколько было? – Жека дыхание перевел, – Тыщ сорок! А кошелек мне подкинули, когда училка хватилась его пропажи. Я, конечно, не сахарный, но и не вор.

Жека сдерживал злость и досаду, комок к горлу подсту-

пил, но плакать – не мужское дело. Жека протянул руки к огню. Старик задумчиво закричал:

– А отец што?

– Даже слушать не стал, заставил в школу идти и брать на себя вину, – нехотя ответил Жека, у него сложилось впечатление, что он как тогда в школе, жалуется, пытается выгородить себя, как будто виноват, а это мерзкое чувство, но Жека все же продолжил, словно оправдываясь, – А я говорил, что не виноват. Не верит. Ты, говорит, когда курить начал, тоже сначала отрицал, пока я тебя не застукал. Уроки прогуливал, тоже еле вывели на чистую воду. С кражей тоже самое. Все уже, не надо отпираться, тебя застукали. А главное, все узнала она... Вера... Знаете какие у нее глаза были? Она смотрела на меня как на страшного преступника, ужасного... маньячину с топором. – Жека чувствовал, что скатывается в театральность, но уже не мог остановиться, – Этот ее взгляд нельзя вынести! Не хочу жить, если она так на меня смотреть будет!

Жека разгорячился, щеки его пылали, душа рвалась из груди как птица. Огонь справедливости жег его изнутри.

– Не может жить... – пробормотал старик, – Што смерть? Она не ведет к концу, за ней начало, свет, страдания и так бесконечно, а как же борьба? О люди... – шептал старик. Достал из-за пазухи маленькую тыкву, пошарил в кармане и выудил старый перочинный нож, – На, мастера, сегодня особая ночь.

Жека во все глаза разглядывал старика. В отблесках костра отчетливо белело его худое морщинистое лицо. Он не осуждал его. Он задумчиво сидел на бревне рядом с ним, бормотал бессвязно, чуть слышно шевеля губами:

– В аду ишь все котлы переполнены, в раю очереди... Куды мне девать его, окаянного... Негоже в таком виде шляться.

Жека, задумчиво поглядывая на старика, вычистил тыкву изнутри, вырезал два треугольника для глаз, один для носа и кривой рот. Старик удовлетворенно кивнул, глядя на результат его труда. Потом нагнулся, взял из потухшего костра уголек и сунул в тыкву.

– Что ж, малец, эта беда – не беда, как ни крути, рано тебе ишшо помирать, посему домой тебя велено доставить, – старик поднялся, накинул капюшон на голову, взял косу за длинную рукоятку. Жека вытаращился на нее, гадая, как же он раньше ее не заметил? Старик ударил рукояткой косы оземь и исчез. А Жека, сам не помня как, добрался до дому, освещая себе путь фонариком из тыквы. Постучал в дверь, открыла заплаканная мать и бросилась ему на шею, обнимая и обливая слезами: “Нашелся глупый ребенок! Горячий весь, Лёша, неси градусник, звони в полицию. Нашелся! Теперь все будет хорошо”.

– Сладость или гадость? – пробормотал обессиленный Жека и провалился в беспамятство.

Случай на кухне

Молодой кавалер подошел к симпатичной барышне. Подмигнул пару раз, приподнял шляпу и раскланялся:

– Целую ручки, сударыня.

– Вы такой любезный! А когда только появились, были таким чопорным, строгим.

– Стеснялся, сударыня. Да и костюм обязывает, – он приобнял ее за талию. И чуть кивнул на свой черный пиджак. – А вам так идет желтый и эти цветы, кажется Анютины глазки? Очень хороши! А как вас зовут?

"Щелк"

– Шарлотта. А что это было? – осторожно спросила она.

– Где? – томно глядя на новую знакомую продолжил кавалер с придыханием.

– Ну вот это "Щелк"?

– Гм, даже и не знаю, сударыня. Но что-то мне не хорошо. Как-то у меня в животе, знаете ли... Забурлило. И вообще, что вы ко мне пристали?

Кавалер прислушался к своим ощущениям.

– Кто, я? – удивилась Шарлотта. – Я и не собиралась к вам приставать. И вообще, что вы закипаете на ровном месте?

– Я закипаю, потому что бесит!

– Что?

– Да все бесит! Цвет этот желтый, цветочки! Ужасно бе-

сит! Я просто ненавижу цветочки! И почему вы такая толстая?

– Кто? Я? – изумилась Шарлотта.

– Не бесите меня, я уже выхожу из себя!!!

– Ну знаете... Я вот выхожу из себя только в крайних случаях, например, когда молоко убежало. Стоит ли по пустякам закипать? И обижать даму, которую вы едва знаете.

– Так вы же кастрюля. А я чайник! Я все время закипаю по всяким пустякам!

"Щелк"

– Ну вот... отпустило. На чем мы остановились, сударыня?

Весеннее обострение

Марио скулил, положив морду на подушку. Ох, как же не хотелось Иришке вставать, кто б знал! Она вчера слишком поздно легла, чтоб в шесть утра вскочить бодрячком, но собаке этого не объяснишь. Ира открыла один глаз, посмотрела на Марио. Черный пес мгновенно вскинулся и, радостно свесив язык из пасти, забил хвостом в пол, поскуливая. Иришка, снова закрыв глаза и, пытаясь уловить остатки ускользающего сна, вытянула руку, пес тут же бросился ее облизывать. Потрепала мягкую теплую макушку.

– Ладно, бродяга, встаю.

Родителей будить бесполезно, они сказали: «Взяла себе собаку, вот и занимайся с ней сама». Почти не открывая глаз, Иришка кое-как обулась, накинула пальто поверх пижамы, натянула шапку. Хоть и весна уже, но по утрам еще холодно. Марио вился в ногах, радостно притопывая, предвкушая прогулку. Иришка, зевая, бормотала:

– Так! Сумку взять... Ключи...

Побряцала ключами в кармане пальто.

– Марио!

Пес, склонив голову набок, внимательно слушал. Иришка продолжила учительским тоном:

– Надеюсь сегодня ты сделаешь свои делишки побыстрее, я бы хотела еще немножко поспать. Ты разбудил на самом

интересном месте, когда он прошептал мне на ушко...

Марио звонко гавкнул и ткнулся носом хозяйке в руку.

– Да много ты понимаешь в красавчиках, – Иришка снова зевнула, застегивая ошейник на мягкой шее питомца. – Ладно, пойдем. И давай договоримся, хороший пес не лает в духовку! В духовке не живет чужая собака! Это ты, дурачок, отражаешься в стекле! Это из-за тебя я сегодня не выспалась! Всю ночь лаял...

Они вышли на площадку. Марио стремглав кинулся по лестнице, чуть не вырвав руку хозяйке.

– Стой-стой!

Давно ли Иришка носила Марио на руках, он достался ей полугодовалым и совсем не умел ходить по лестницам. Но потом подрос еще немного и таскать его стало невыносимо. Тогда Иришка, спускаясь по лестнице, просто тянула за поводок, Марио неуклюже тыкался, ехал пушистым задом по ступенькам, со временем поняв, что надо перебирать лапами. Теперь же он несся стремглав, не разбирая дороги, лишь бы скорее выскочить на волю. В дверях подъезда Иришка столкнулась со стариком: она сделала шаг вправо, и он тоже. Она сдвинулась влево, и он тоже. Сдвинул густые седые брови, пожевал губами, причмокнул и сказал:

– Что ж вы, барышня, старость не уважаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.